

Краюшкина Лариса Георгиевна,

преподаватель-методист,

МБУДО Феодосийская детская музыкальная школа №1,

г. Феодосия, Республика Крым

ВИДЕНЬЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ ЧИСТЫХ ДНЕЙ

И если бы меня теперь спросили, встречал ли я когда-нибудь абсолютно гениального человека, – я бы ответил: да, я был знаком с Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем!

И на вопрос: «Известен ли был мне подлинный русский интеллигент до мозга костей?» – я дал бы тот же самый ответ.

Протоиерей Михаил Ардов

Каждый человек живет в поисках. С одной стороны, он чувствует себя борцом, с другой – жертвой. Год рождения и год смерти – между этими двумя датами идет продолжающийся всю жизнь изнурительный поиск гармонии.

Девизом к жизни самого загадочного композитора XX века могут стать слова его современницы Надежды Яковлевны Мандельштам: «Человек, обладающий внутренней свободой, памятью и страхом, и есть та былинка и щепка, которая меняет течение несущегося потока».

Если не считать мифического греческого певца Орфея, никто не пострадал за свою музыку больше, чем Дмитрий Шостакович. Не однажды попадал он в сталинские жернова: достаточно вспомнить «Сумбур вместо музыки» и «Балетную фальшь» (названия печально известных статей в «Правде» в 1936 году) или Постановление 1948 года о борьбе с формализмом.

Шостакович, тем не менее, сумел выразить в музыке то, чего не смогли ни сказать вслух, ни написать открыто. Остался верен данной себе клятве: «Если мне отрубят обе руки, я возьму перо в зубы, и все равно буду писать музыку».

Талант Дмитрия Дмитриевича был по-пушкински всеобъемлющ – он был мастером камерного лиризма, утонченным метафизиком (Четырнадцатая симфония на тему смерти и бессмертия). Был едким сатириком («Нос»,

«Клоп»). Был звонким неповторимым песенником («Не спи, вставай, кудрявая»), могучим оперным эпиком («Катерина Измайлова»). Одновременно обворожительным джазовым импровизатором, и даже не гнушался попытками создать легкую, искрящуюся оперетту («Москва – Черёмушки»).

Своеобразие Шостаковича заключается еще в том, что он был композитором столь крепко связанным с Россией, что трудно себе представить расцвет его таланта за границами его родины. В этом отношении он принципиально отличался от Игоря Стравинского и Сергея Прокофьева, для которых Запад, был не менее подходящим местом для жизни и работы. Почти умирающий от голода в 20-е годы ушедшего века юный Митя Шостакович ответит доброжелательным родственникам из США: «Мне жаль вас. Как можно жить без России? Я никогда не уеду. На свете нет ничего лучше Ленинграда».

Петербуржец по рождению и воспитанию, он в зрелые годы примет в свое сердце Москву, душой прикипит, к местам, творческого уединения – дачам в Комарово и подмосковной Жуковке. Но будет в беспокойном рисунке его внешнего бытия еще один дорогой сердцу уголок земли – солнечный Крым, куда с 1923 по 1968 годы он приедет двенадцать раз!

Началом связи с Крымом была Алушта, где находилась дача его деда по материнской линии Василия Яковлевича Кокоулина, главного управляющего золотыми приисками Российской промышленной компании близ города Бодайбо в Сибири.

Красавица Софья Кокоулина, дочь управляющего, окончив Иркутский институт благородных девиц с голубой лентой (правом быть представленной императорскому двору), отправилась в Петербург не для того, чтобы стать фрейлиной, а чтобы учиться в столичной консерватории.

Познакомившись с сыном ссыльного польского революционера Болеслава Шостаковича – студентом-химиком Дмитрием, – пригласила его на крымскую дачу в сентябре 1902 года. Романтическое путешествие по Крыму завершилось решением молодых людей провести медовый месяц в Алуште. Что

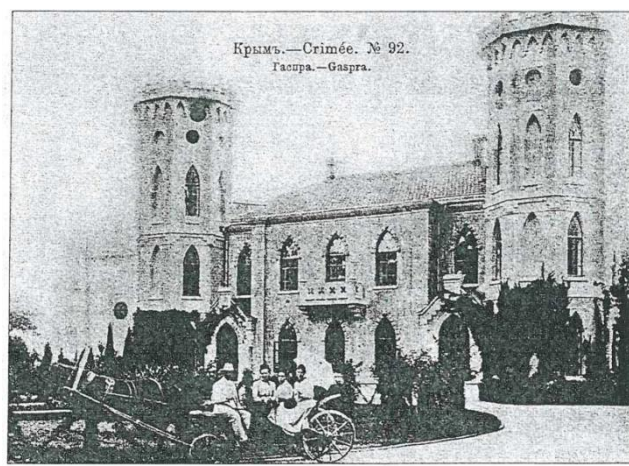
и случилось на следующий год. Софья Васильевна отдыхала на даче отца и со своим первенцем – дочерью Марией (Дмитрий родится 25 сентября 1906 года).

Дом В.Я. Кокоулина (№ 10) оказался по-сибирски прочным и простоял на улице Красноармейской до 1988 года. Дед и бабушка композитора упокоились в Алуште (к сожалению, их могилы утрачены).

В начале 1923 года у Дмитрия Дмитриевича Шостаковича вследствие хронической анемии неожиданно развился туберкулез бронхиальных и лимфатических желёз. Юноше пришлось перенести тяжелую операцию, после которой врачи предписали ему провести восстановительный период в Крыму. Семья, потерявшая годом раньше отца, не имела денег. Мать продала рояль, влезли в долги, и тогда Митя и его старшая сестра смогли выехать в санаторий. 20 июля 1923 года брат с сестрой оказались в Гаспре. Там встретили семью художника Бориса Кустодиева.

Санаторий дышал историей. Кустодиевы жили в комнате, где когда-то отдыхал Лев Толстой. Дочь художника – Ирина, когда-то девочкой приведшая к отцу одноклассника Митю (кто не знает этот портрет композитора – мечтательное акварельное лицо и нервные пальцы, сжимающие шопеновский сборник), теперь знакомила своих друзей с достопримечательностями Гаспры: дорожкой, по которой гулял Толстой, скамейкой, где любил сидеть Максим Горький. Именно в Гаспре Борис Кустодиев сделал рисунок, ставший сенсацией на юбилейной выставке Шостаковича, что проходила полгода назад в Москве – дирижирующий Митя: выразительная пластика жеста, динамичная поза. Вечерами у Кустодиевых музицировали, велся разговор –

Зобычный русский, длинный, перескакивающий с одного предмета на другой и ничем не заканчивающийся, но такой душевный» (из письма Б.М. Кустодиева В.В. Воинову).

В Гаспре жизнь семнадцатилетнего Мити впервые озарила любовь. В санатории, где лечился, он встретил дочь известного московского ученого-филолога Татьяну Гливенко. Таня, тоненькая темноволосая девушка, была веселой, общительной, всеми любимой. Ее окружала толпа молодежи. Дмитрий присоединился к Таниной свите. Время летело незаметно. Как и другие молодые люди, Дмитрий не мог устоять перед очарованием Тани, но даже не мечтал о том, что она ответит ему взаимностью. Болезненно несмелый и замкнутый, он боялся обратить на себя внимание. Из-за забинтованной шеи и больших круглых очков с толстыми линзами он чувствовал себя гадким утенком среди уверенных в себе ровесников и лишь сестре Маше жаловался на свой маленький рост и тщедушную фигуру. Однако произошло чудо: Митя узнал, что его чувства нашли ответ.

Много лет спустя, уже после смерти гениального композитора, Татьяна Ивановна Гливенко в воспоминаниях, вышедших в 1981 году в Лондоне, призналась: «Как же можно было его не любить! Он был таким чистым и искренним, всегда думал только о других – что сделать, чтобы другим было лучше, приятней и легче. Никогда не думал о себе. Если существуют святые, он был одним из них. Таким он был, когда мы познакомились, и таким остался до конца дней».

Тане Гливенко Дмитрий посвятил новое сочинение, написанное в Гаспре, – трио для скрипки, виолончели и фортепиано. В дни, когда зарождалась их любовь, сделал наброски к Первой симфонии, ставшей его дипломной работой.

Отношения длились семь лет, но нерешительность Дмитрия заставила Татьяну выйти замуж за другого. А он... Он еще несколько лет просил любимую оставить мужа, так и не обозначив перспектив совместной жизни. Как это похоже на психологический портрет, нарисованный Михаилом Зощенко в письме к Мариэтте Шагинян: «Дмитрий Дмитриевич – конфликт в

высшей степени. Хрупкий, ломкий, непосредственный и чистый ребенок. Плюс к тому – жесткий, едкий, чрезвычайно умный, очень сильный и деспотичный. В нем — огромные противоречия. В нем - одно зачеркивает другое».

В 1930 году, спустя три года после смерти Кустодиева, в Ленинграде – в его иллюстрациях – издали очерк Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда». Шостакович купил книгу в память о художнике, которого знал почти с детства.

Шостакович решил написать оперу по лесковскому сюжету. «Женщины не было до сих пор в творчестве Шостаковича, – замечал академик Борис Асафьев в связи с «Леди». Был пол, была эротика, но не было женщины, ее тепла, ее эмоций». В период «Леди» тема любви для композитора стала глубоко личной. В хрупком молодом человеке, поглощенном трудом, жила сильнейшая страсть. Как всё в его жизни, чувство любви было предельно напряжено, но сдерживалось самодисциплиной, воспитанием, неуверенностью в себе.

Люби до смерти.

Мне в любви

Конца не увидать.

Ты оттолкни и позови.

И обними опять.

С тобою просидим вдвоем

С зари и до зари,

Люби до смерти, а потом,

Коль можно повтори.

Михаил Голодный

Уже два года длился роман Дмитрия Шостаковича с Ниной Варзар, женщиной сильной, страстной, независимой. Они то расставались, то вновь были вместе. Матушка Софья Васильевна была в отчаянии оттого, что ее «мимозный Митя» (так звали композитора в семье) влюбился в столь не похожую на ее представление об идеальной невестке даму. В мае 1932 года, втайне от родных, Дмитрий Дмитриевич регистрирует свой брак с Ниной

Васильевной в Детском Селе (ныне город Пушкин Ленинградской области), а затем увозит жену в Гаспру.

«Близость возлюбленной всегда сокращает время», – заметил Гете. То, что «счастливые часов не наблюдают», известно всем. Но часы в данном случае имеют широкое и переносное значение. Время влюбленного человека не совпадает со временем равнодушного человека. Страсть обостряет чувство времени. Это очень важный психологический момент, потому что счастливое, осмысленное время, отпущенное человеку, зависит не от количества прожитых лет, а от насыщенности и интенсивности их. Первый брак композитора был трудным, но счастливым. Нина Васильевна родила сына и дочь. (В других браках у Дмитрия Дмитриевича детей не было). Помогла выдержать сталинские удары в 1936-м и 1948-м годах, наполнила жизнь композитора оптимизмом и светом, по-женски мудро не обращала внимания на увлечения мужа, зная, что соперниц у нее нет. И при этом была талантливым ученым-исследователем с очень неженской специализацией – астрофизик. Когда она внезапно ушла из жизни от страшной болезни, не дожив до 45 лет, мир для композитора надолго погрузился в траурные тона... Но летом 1932-го в их жизни всё искрилось от счастья. И на бывшей даче графини Паниной в Гаспре композитор украсил титульный лист клавира оперы «Леди Макбет» надписью «Посвящается Нине Варзар. Дмитрий Шостакович».

В 1937 году, завершая в Гаспре свой шедевр – Пятую симфонию, Шостакович эпиграфом к ней выбирает мысль любимого им Достоевского: «...Я видел истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на грешной земле».

Интенсивность работы поражает. Сочинение шло ошеломительно быстро: Largo заняло всего три дня. После потрясений 1936 года, когда после трех статей в «Правде» композитор был близок к самоубийству, пришло неожиданно состояние душевной концентрации и раскованности. И, боясь расплескать себя, Шостакович срочно уезжает из весеннего дождливого Ленинграда в Гаспру. Этот колоритный крымский уголок нравился

композитору, всегда возбуждал в нем чувства светлые, теплые: память о встречах с Борисом Кустодиевым, любви к Татьяне Гливенко.

В солнечной тихой Гаспре, оставшись наедине со своей Музыкой, композитор впервые понял, что после него должно остаться пасторское слово, запечатленное нотами. Ведь для того, чтобы написать подлинно духовную музыку, вовсе не обязательно быть церковным человеком. У каждого мыслящего есть в душе свободное пространство для религиозного чувства. Без этого человек не может существовать. А Шостакович ощущал свое миссионерство в ключе апостола Павла, который сказал: «Плачьте с плачущими». Вот почему Шостакович был с плачущими, как и Анна Ахматова, которая призналась в «Реквиеме»:

Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ,
к несчастью, был.

Это была эпоха, когда «каждому было о ком плакать». Но плакать надо было тихо, чтобы никто не увидел – ведь все друг друга боялись. И Шостакович решил дать молитвенное утешение своему народу. Потрясенный Симфонией псалмов Игоря Стравинского, он решил по-своему осмыслить псалмы Давида, в частности 9-й псалом, где говорится, что Бог «взыскивает за кровь; помнит их, не забывает вопля угнетенных».

В предгрозовое время весны 1941 года он обдумывает план Седьмой симфонии и, чувствуя в себе головокружительное ощущение готовности к работе, в апреле срочно уезжает в Гаспру. За два с половиной месяца, которые он провел в Крыму, симфония была завершена в черновом варианте и даже включена в концертный план Ленгосфилармонии на осень 1941 года.

Дмитрий Шостакович. Рисунок Н. П. Акимова, конец 1930-х

Но 22 июня сметает всё. Вместо первоначального одночастного произведения композитор создает четырехчастный симфонический цикл. И поскольку дальнейшая работа была связана с Ленинградом, с трагедией блокадного города, официальное музыковедение навсегда забыло первую программность симфонии. К счастью, когда в наши дни возрождается баховская традиция устного авторского комментария, мы, по воспоминаниям самых близких композитору людей, узнаём о хрестоматийном произведении совершенно неожиданное и слышим его по-новому.

Триада военных симфоний: Седьмая, Восьмая и Девятая сделала Дмитрия Шостаковича композитором планетарного масштаба, что не помешало Сталину нанести музыканту в 1948 году Постановлением о формализме тяжелейшую травму. Впрочем, это не остановило тирана: он раздавал царские милости в виде Сталинских и Государственных премий, почетных званий и высоких чиновничьих должностей в творческих Союзах. Формально Шостакович оставался «композитором № 1» в Советском Союзе.

А в жизни «первого композитора страны», до краев заполненной творчеством, общественной работой, гастролями, в послевоенные годы очень многое изменилось. Окончательный переезд в Москву, внезапная смерть жены Нины Васильевны и почти одновременный уход из жизни матери Софьи Васильевны (между этими двумя самыми дорогими женщинами, которые так и не приняли друг друга, Дмитрий Дмитриевич метался почти два десятилетия, тщетно пытаясь их примирить)... А затем – странный брак с ответственным работником ЦК ВЛКСМ Маргаритой Кайновой, сколь красивой, столь и душевно глухой, не способной даже понять, кто рядом с ней. Любопытна в этом отношении ремарка Галины Вишневской, когда певица со свойственным ей темпераментом в книге «Галина» рассказывает об этом периоде жизни великого композитора: «Я говорю этой Маргарите: ведь вы же вышли замуж за гения, вы должны понимать его психологию, ведь он же музыкант... И что, вы думаете, она мне ответила? Ну и что, что музыкант, у меня первый муж тоже

был музыкант – в клубе на баяне играл!»... Мучительный развод и беспросветное одиночество...

Осенью 1962 года Шостакович сообщал композитору Виссариону Шебалину: «В моей жизни произошло событие чрезвычайной важности – я женился. Мою жену зовут Ирина Антоновна. У нее имеется лишь один большой недостаток: ей двадцать семь лет при моих пятидесяти шести. В остальном она необыкновенная: нежная, умная, веселая, простая, очень симпатичная. Носит очки и очаровательно не выговаривает букву «р»... Не думал, что жизнь меня так побалует».

Нет, эта женщина
божественна.
Ее походка так легка,
Глаза так трепетны,
так женственна
Ее несмелая рука.
Движенья, голос, взгляд,
дыхание –
Всё чуткость, всё полутона.
И жизнь была как ожидание.
Пока не встретилась она...

Юрий Кузнецов

С Ириной Супинской Шостакович познакомился в издательстве «Советский композитор», где она работала литературным редактором. Ленинградка по рождению, Ирина в годы блокады потеряла всю семью. После войны окончила филологический факультет университета, переехала в Москву. Шостаковича она узнала в период подготовки к изданию оперетты «Москва – Черёмушки». Уже приговоренный врачами к страшному диагнозу (атрофия мышц рук и ног), Шостакович два года не мог решиться на столь желанные и столь важные для него изменения в личной жизни. В брак они вступили в

сентябре 1962 года. И столь любимые Дмитрием Дмитриевичем осенние месяцы провели в Ялте.

Последние семнадцать лет жизни (композитор умер 9 августа 1975 г.) Дмитрий Дмитриевич мужественно боролся со своей болезнью, полтора десятилетия в этом ему помогала жена. Он творил до последнего мгновения, и в этом заслуга Ирины Антоновны, которая, любя мудро и милосердно, сделала всё, чтобы скрасить последние годы мужа – стала ему нянькой и секретарем, музой и поводырем. Ее душевную высоту исследователи всё чаще сравнивают с подвигом жены Достоевского. Роль этих двух женщины в русской культуре равнозначна.

С Ириной Антоновной композитор приезжал в Крым уже только на лечение. Но не мог не работать. Самым плодотворным из последних посещений Крыма был апрель 1966-го, когда он в небывалом темпе написал Второй виолончельный концерт - самый значительный из всех его

инструментальных концертов. Партитура, которая насчитывает семьдесят семь страниц, заполненных мелким почерком, была создана в Ялте за три недели. Это скорее концертная симфония, нежели виртуозное инструментальное произведение. Как и Первый концерт, этот создавался с мыслями о Мстиславе Ростроповиче и ему же посвящен. Так солнечный полуостров вновь одарил великого музыканта вдохновением.

Когда-то в молодости Дмитрий Дмитриевич мечтал «исследовать каждый потаенный уголок этой дивной земли» (из письма писателю П.А. Павленко). Но так случилось, что крымское Южнобережье (прежде всего Гаспра, а затем Ялта и Ливадия) стали местом творческого уединения, вдохновенных духовных взлетов и прозрений, исцеления от мучительных болей.

Но любовь к Крыму по наследству перешла к детям композитора. Вот они-то: сын – Максим Дмитриевич – талантливый дирижер, и дочь – Галина Дмитриевна – ученый-биолог, вышедшая замуж за кинооператора Евгения Чуковского, внука Корнея Ивановича Чуковского, – стали истинными коктебельцами. Приезжали в Киммерию не раз, как теперь приезжают дети Галины Дмитриевны. А Максим Дмитриевич, вернувшись после почти двадцатилетнего отсутствия из США в Россию, говорил в своих интервью, что Коктебель – один из самых дорогих его сердцу уголков на земле.

Переворачивая последнюю, датируемую августом 1975 года, страницу жизненной партитуры композитора, осознаем, что в истории культуры древнего полуострова есть интереснейшая глава: «Крым Дмитрия Шостаковича». И она не менее значительна, чем «Крым Ивана Бунина», «Крым Сергея Рахманинова», «Крым Федора Шаляпина» и многие-многие другие главы. Вот только почему-то многоуважаемые историки крымской культуры не спешат сделать эти материалы достоянием читателей. Вероятно, не пришло время. Да и не подпускает к себе многомерность личности гениального музыканта, нерасшифрованность подтекстов и контекстов его произведений.

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных чистых дней.

В симфонии жизни Шостаковича приезды в Крым, столь не похожие друг на друга, всегда были подобны интермеццо - романтические, озаренные вдохновением и любовью, откликающиеся хрустальным чистым пушкинским тоном на окружавшую Мастера красоту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Иванов С. В. Неизвестный соцреализм. Ленинградская школа. – СПб: НП-Принт, 2007. – 109 с.*
- 2. Великие музыканты 20-го века. Дмитрий Шостакович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ormn.net>.*

3. Хентова С.Д. Шостакович. Жизнь и творчество: Монография. В 2-х книгах, книга 1. – Л.: Советский композитор, 1985. – 544 с. с ил.
4. Козинцев Г.М. О Д.Д. Шостаковиче. – Цит. по кн.: Козинцев Г. М. Собр. соч. в пяти томах. – Т. 2. – Л.: Искусство, 1983. – С. 426, 433.
5. Мазель Л.А. Раздумья об историческом месте творчества Шостаковича: Статьи по теории и анализу музыки. – М.: Советский композитор, 1982. – С. 274.
6. Кабалецкий Д.Б. Несколько слов о Дмитрие Шостаковиче: В кн.: Дмитрий Шостакович. – М.: Советский композитор. 1967. – С. 91.
7. Мравинский Е.А. Тридцать лет с музыкой Шостаковича: В кн.: Дмитрий Шостакович. – М.: Советский композитор. 1967. – С. 105.
8. Шостакович Д.Д. Избранные статьи, выступления, воспоминания / Ред. А. Тищенко. – М.: Советский композитор, 1981.